

The background image is a religious scene. At the top, a painting depicts the Virgin Mary in a blue mantle holding the Christ Child. Below the painting is a golden chalice with intricate designs. In the foreground, several lit candles are placed in ornate golden holders on a tray. The scene is set in a church or chapel with gold-colored curtains on the left.

А.В. Манин-Уралец

**Православие
для героев.
Книга
чтений 2**

А.В. Манин-Уралец

Православие для героев. Книга чтений 2

<https://litres.ru/73989066>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга чтений 2 является ¼ частью из 810 глав наставнического издания «Чтения о вере и православной культуре в деятельности общественных организаций» - одного из немногих методических пособий для наставников и молодежи общественных организаций, созданная при поддержке ВОО Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России». По общим взглядам и реакции на события и явления жизни можно судить о морально-нравственном состоянии молодых поколений, которым завтра стоять у руля власти, науки, техники и промышленности страны. В книге содержатся более 1100 вопросов и не менее 700 ответов о роли веры и Церкви в сфере современной культуры, представленных в качестве пособий, каким именно образом молодые наставники могут готовить свои разнообразные ответы для аудиторий.

А.В. Манин-Уралец

Православие для героев. Книга чтений 2

Во 2 части книги издания 2020 г. «Чтения о вере и высокой нравственности в православной Культуре» (Методическое пособие наставников и молодежи ВОО «Трудовая доблесть России» об использовании высокого нравственного потенциала Православия и его культуры в деятельности общественных организаций») представлены следующие 100 Чтений 101-200, с предварением в них соответствующих вопросов, с получением ответов на них в главах Чтений.

Чтения 101-102. Несет ли творческая личность массового искусства особую ответственность перед молодым поколением, или нет разницы, если она воздействует на потребителей примером греха, как добрым? – 267 страница общего издания Чтений.

103. Самомнение может ли нести в себе, помимо большого греха – гордости, так же и другой великий грех – гнев, что кто-то может не разделить его убеждений; но ведь этот покусение – гневом – и на самого человекоподобного по образу

Иисуса Христа Господа Бога? Должен ли православный художник говорить, как Иисус при исцелениях, чтобы не распространяли правду об этом? - 269

104. Своенравие и мятежный дух творчества родственны? – что нужно отсекать? В храмах нужно больше думать о скоротечном бренном или вдохновляться? В Царство Небесное надо входить очищенными, но ведь в Храм Божий входят грешники, должны очищаться перед приходом в храм? Чтобы уверовать необходимо воображение и творчество, как сотворчество всего с Творящим все Богом, а если в душе нет творчества? - 272

105. Критики Православия, как Церкви якобы выступающей против самовыражения творческой личности, являются ли врагами Церкви, за которых надо молиться? - 275

106. Путь к творчеству обязательно должен быть путем преодоления препятствий? Можно привести примеры красоты и смирения перед нею творчества в его воле выбирать? Какие составляющие должна включать в себя творческая свобода? - 277

107. Можно ли считать «идиота» князя Мышкина Достоевского попыткой сотворения хоть в чем-либо прототипа Иисуса Христа? В жизни больше онтологических мир-

ских чудес или Божьей мудрости? Можно ли воспринимать литературных персонажей не так, как хотели их создатели? Жизнь героев, по сути, не меняется ни в столетиях, ни в тысячелетиях? - 280

108. Церковь может ли быть цензором светских произведений по евангельской тематике? - 283

109. Если роман «Мастер и Маргарита» признан, как «классический» даже в среде культурной интеллигенции, может он быть эталоном светских романов, где соблюдена грань допустимого? - 285

110. Верующие более привиты к искусству греха, можно ли им смотреть скабрёзные фильмы без опаски для души? - В чем тут опасность? - 288

111. Понятно, что не обязательно специально делать дурное, чтобы знать о дурном, но некоторые считают себя гениальными в киноиндустрии, на какие они могут пойти искушения? Поможет ли тут поправка в Конституцию России об уважении Бога? - 289

112. Какие имеются рецепты отвратить от телевизионных зрелищ? - 291

113. В мире, где все зло, кроме Божьего, правильной кри-

тикой всего не охватить? Какая цензура бывает в миру? - 292

114. Влияют ли ужасы фильмов-ужасов на реальные события? Может ли Церковь быть цензурой кино? - 295

115. Критически постмодернизм можно ли воспринять как на указывающего красоту мира, раз уж им она отодвинута в угоду фальшивому? Означает ли неприятие постмодернизма впадение в крайности? - 296

116-117. Для спасения людей и для выделения места на погосте у храмов Церковь отдает ли кому-то предпочтение? Могут ли священники озвучивать желание быть погребенными в храмах? Можно ли не разбираясь в музыкальных произведениях, считать музыкой то, что ближе характеру и сути – например, пение птиц? - 299

118. Какой путь лучше всего для православного человека? Делались попытки соединения пути социализма и Православия в период СССР? Какие попытки могут быть по соединению православия с социальной жизнью в России после внесения поправок в Конституцию об уважении к истории веры в Бога наших предков? - 302

119. С каким терпением православие проявляло себя в последние эпохи? Может быть построено что-то между капита-

лизм и социализмом на основе естественных нравственных ценностей Православия? - 304

120. Была ли попытка построения коммунизма в России случайной, детерминированной - объективно в миру определенной, или это был промысл Божий? Может, живучесть социализма указывает на промысл Божий: чтобы сохранить мощь России после утраты парадигмы веры, державности и народности с крахом их в результате поражения в первой мировой войне? И после революции, и в наше греховное время народ верит? - 307

121. Вспоминают ли кто-то из священства бывшие добрыми стороны социализма, в эпоху которого жили? Благословляла Церковь какие-то дела в советский период? - 311

122-123. Церковь имела цель в трудную годину для страны спасти народ, это может быть главным, если цель Православия – привести народ к бессмертию в Божьем Царстве? И в войну также Церковь молилась за врагов? - 313

124. Нужна ли Церкви своя революция, или она свершилась? Может ли любой верующий сам судить о различных событиях в истории? - 316

125-126. Если пришла бы монархия, Церковь уже не до-

пустила бы сословности? Крах монархии не значит ли, что она опорочила себя? - 318

127. Кого, кроме Грозного, можно назвать суровыми и грозными правителями России, а также и нанесшими России вред, достойными и похвалы, и осуждения? В чем сходство Грозного и Сталина, Горбачева и Ельцина? Можно ли личностям, о которых сохранились свидетельства их жестокости, ставить памятники? - 320

128-132. Как люди веруют в Бога, которые то верят, то не верят в «царские останки»? «Скорбь по останкам царской семьи это символ скорби по всем погибшим семьям в революцию? Обязательно ли, чтобы останки были признаны мощами, должны быть свидетельства их благодатной помощи? - 324

133. Боятся ли святые люди лукавого, например, быть искушаемыми им и вдруг да искушиться? - 327

134. Имел ли святой Николай II (Романов) достоинства кроме удивительно смиренного принятия жесточайшей участи вместе со всей его семьей? Любят ли его? - 328

135. Как можно оправдать жестокие дела тех князей и царей, которые канонизированы в святые? После смерти, став

святыми, насколько эти избранники Божьи могут изменить-
ся в большую святость? - 330

136. Мог ли испытывать свою вину Сталин, когда притеснялась Церковь? Испытывала ли Церковь в годы гонений свою вину перед народом? - 333

137-138. Не надуманы ли мнения о том, что спецорганы страны старались использовать Церковь в своих целях? Внедрение агентов спецслужб в храмах – это чисто советская практика? - 335

139. Можно ли сказать, что Церкви, при трезвом рассуждении, вообще не за что каяться, в отличие от некоторых других церквей? Православие собирается? – 339

140. В церковной политике важно отличить Божье от мирского, и что является ее предметом главной заботы – достижение святости или искоренение грехов? В делах Церкви известна стратегия, - очищение от грехов и спасение в Царстве Небесном, но какова тактика? - 340

141. Отчего Церковь так авторитетна даже в окружении других церквей? Насколько широко пользуется священство современными средствами связи? - 342

142. Чтобы урегулировать конфликты Церковь идет ли на компромиссы со своим уставом? В конфликтах Церковь отдает ли предпочтение одной из сторон? Как власть может осуществить богоугождение? - 344

143-144. Можно ли участвуя в активных движениях оставаться беспристрастным? Верующие могут ли отдавать предпочтение кандидату-женщине? Можно представить прижизненный облик Пречистой Девы Марии? Можно представить прижизненный облик Девы Марии? На селе мнение священника более слышно, чем в городе? - 347

145. В партиях активно работающие православные люди не наносят ли вред авторитету Церкви? Отчего Церковь и партии вещи всерьез различные? - 349

146. А можно ли Церкви отдавать голос за меньшее зло против большего? Церковь учитывает своим снисхождением естественную человеческую греховную природу? - 352

147. Правду ли говорят: плохого человека армия портит, а хорошего делает еще лучше? Есть что-то общее между службой в армии и службой в монастырях? - 354

148. Если ты в армии, то о чем должен просить и молить Бога? Христианин способен или только должен прощать го-

сударству его промахи, ведущие к невзгодам в жизни? - 357

149. Могут ли быть хоть какие оправдания не защищать Отечество? Могут ли считаться защитником Отечества обе стороны в гражданской войне? - 358

150-151. Надо ли пытаться смотреть на конфликты с точки зрения не православного мира дабы не нарушить принципы христианства? Какие позитивные стороны видят национальные народы в дружбе и единстве с православным миром России? Могут и впредь народы желать самоопределения? - 360

152. Способна ли Сербия оставаться центром защиты Православия в Западной Европе? - 364

153. Как позиционируют себя православные в сфере проявлений различных мнений на их роль? Славянофильство в России – этот фактор в ней навсегда? - 365

154. Как Православная Церковь относится к ищущим в ее работе несовершенства? - как к «вождям слепым, отцеживающим комара...»? - 368

155-156. Надо ли понятие «быть честным» применять к себе, когда не хочется анализировать, а только осудить за

бесчинство? Имеет ли либерализм православные корни, какой он существует в России? Какие примеры, и каких организаций, отстаивания нравственных ценностей в нашей жизни? Есть ли и «русский путь» жить в самоограничениях? - 369

157. Что хорошего и сомнительного в Америке? Америка называла Россию «империей зла», может, пришло время ее саму объявить и попытаться обличить «империей зла»? - 373

158. Имеется ли в Штатах практическое применение понятия «богомыслие», почитаемому в Православии? Важнее доказать любовь к Богу хвалой Ему или реальными делами? - 375

159-160. Останется что-то от человеческой цивилизации в раю? Будет ли цивилизация во зле приближаться к улучшению своего греховного состояния, не смотря на то, что в конце ее все, по Божьему пророчеству, превратится в дьявольский хаос? - 377

161-162. С благодарностью или разочарованием должны верующие люди покидать мир сей? В чем было отличие жертвовать настоящим ради лучшего будущего народа: Сталин, Ленин, Троцкий?.. Можно считать избранниками от мира в качестве спасителей России Горбачева и Ельцина?

Должны ли верующие настаивать, что и в социально-политических делах руководить всем должна лишь истина Божья, в то время, когда эти дела в мирских законах? - 379

163. Можно ли обеспечить свою безопасность, смиренно отказываясь от воли противостоять злу? Создает в миру безопасность духовный путь к совершенству души в Духе, или здесь безопасность уже вторичное? - 383

164. Все что в мире непонятно, загадочно, следует ли считать происками лукавого? Если видишь, что что-то от беса, можно на это не обратить внимания и пройти мимо? - 384

165. Признают ли православные люди, что их вера спасет все христианство в мире, где оно зачихает, как в Европе? Готовы ли и впредь православные довольствоваться скромным признанием его действительно великой роли в истории мира? - 386

166. Русская идея содержит и часть «обожения» языческого – о древности нравственных начал от Бога Единого без Христа; что от нее неприемлемо? В чем выразился особый универсальный путь мессианства России с ее православным духом? - 388

167. Православие подразумевает и впредь жить не без ли-

шений и под гнетом высокомерных санкций в уверенности, что его путь во славу Божию – путь единственно истинный? Сохранение своей русской православной культуры – в сохранении парадигмы перенесения трудностей? - 390

168. Можно привести примеры использования «демократии» как политики международной силы? Демократия возведена в чин матери всех народов, что все должны почитать ее, как мы почитаем свою Богородицу, это заблуждение или лукавство? А каково отличие наших духовных отцов, батюшек от других? Демократия подразумевает и полную вольность? – например, в пещерах, в долинах, в лесах молитвенного уединения? - 392

169. Имеют ли право православные не замечать подмен смыслов и понятий в мире, где творятся дела лукавого? Можно ли избежать происков лукавого? - 396

170. Может ли Бог в обязательстве любить всех иметь хоть какую-то несвободу? Есть аналогии в дозволении свободы и неверном пользовании ею в священнической жизни? Выходит, и у Самого Бога не было свободы, как только отдать в жертву Сына Христа для спасения людей? Не ограничил ли Себя Бог пойдя на договор между Собой и человечеством в Ветхом и Новом Завете? Если христианин не идеальный – все в нем проявляется в заранее уготованной для него уча-

сти? - 398

171. Насколько важен учет особенностей при обсуждении каких-либо прав, или все должно быть, как по строгому церковному уставу? В вопросах общего права, надо ли прежде всего защищать именно свое лицо? - 401

172. Может и должна ли Церковь отказаться от сотрудничества с организациями гуманитарных акций? Нормально ли, когда на отношения Церкви и благотворительных организаций влияют личные предпочтения, а то и характеры верующих? - 403

173-174. Что может заменить мотивы любви в гуманитарных декларациях? Ограничивает ли православие себе свободу в России, чтобы не быть в тягость другим церквям? - 406

175. В чем выражается двойственная сущность человека в сфере веры и в сфере греховного мира? Есть минус в незнании Декларации прав? - 409

176. Ведь не может не вызывать у современных христиан, претерпевших большие бедствия, свои вопросы, что евреи больше говорят о своих бедах, а не бедах других? - 411

177. Имеет ли русский народ в Православии какую-то «слабину», и какую «силу» имеют другие народы без духа

Православия? За что именно «зацепились» нацисты в иудейской идеологии, чтобы чудовищно завистливо мстить и расправляться с избранным Богом еврейским народом? - и была ли эта идеология причиной геноцида? Надо ли и впредь уважать право избранности еврейского народа? - 413

178. Какова роль российской «нации», то есть всех народов России в обеспечении атмосферы терпимости ко всем церквям и конфессиям? Ревнивое отношение к культурам предков на землях предков россиян в отношении «чужаков» правомерно, а с христианских позиций? - 418

179-180. Должны же быть у Церкви разумные компромиссы по здравому рассуждению о мире греха? Принимается оправдание несовершенства от виновности других? - 422

181-182. Упование на Богородицу в Православии дает преимущества перед теми, кто не молится Ей? Можно помогать телепередачам, кажущимся пока еще слишком несовершенными для богословия, но явно в этом желающим достичь успеха? - 424

183. Должны ли прихожане заботиться о храме так же, как священники? Но ведь есть причины, не зависящие от усилий Церкви вести ее работу? Надо ли искать в Церкви или храмах недостатки? - 427

184. Что, как минимум, можно определить нормой во взаимоотношениях Церкви и государства, и в чем не участвует Церковь? Кто в ком больше заинтересован: Церковь в поддержке государства или государство в поддержке Церкви? - 429

185. Православно-социальная сторона в любом случае требует печалей и стенаний, то есть скорбей, или должен преобладать позитив? Что должно быть самоотверженнее – паства или священство приходов? Что содержит в Православии понятие «кафолическая» Церковь? Существует суждение, что рай в хорошей вере возникает в результате материализации рая из ясного сознания и представления о рае уверовавшего в него, чем это отделить от того же результата – прихода в рай – и того, как это видит Церковь? - 432

186-187. Можно привести примеры чудес за рубежом, признаваемых православными? Может ли хоть в каком-то виде явиться от Бога Отца третий «завет» для наших времен? - 436

188. Чем помогает вера человеку в текущих делах? Все религии требуют жертв? Многими ли хозяйственными делами и финансовыми проблемами занимается Православная Церковь? - 439

189. В христианстве Бог учит притчами, подразумевая, чтобы их смысл был понятен всем народам и культурам? Бог берет к в Свое Царство людей, потому что дал им познать земную райскую жизнь, хотя и не без зла; но может и со злом для того, чтобы лучше виделось блаженство? Можно быть на пирах? - 441

190. Может, надо к тому относиться хорошо, кто учит избегать грехов и ошибок? Бог всему учит, а по молитвам открывает тайны? - 444

191. Что значит святость в Православии? В чем – принципиально – Истинный Бог? - 446

192. Спасение других христиан и не христиан или очищение от грехов каждым себя самого предпочитается в Православии? Знает ли кто-либо, что в точности спасется? Смирение – благодетель Господня, свойственно и Православии? Поставлены ли все точки в постулатах Православия на последнем 7-м Вселенском соборе? Гарантию спасения обеспечивает свидетельство Духа Апостольского от Святого Духа? - 449

193. Есть ли основания для паники не быть спасенным не православному? Православие стремится к спасению каждого – как верующего, так и неверующего? Не православные

христиане в России имеют такое же право на спасение через Церковь Христа и Святого Духа, как неверующие христиане-россияне? - 452

194-195. Какие позитивные стороны образа жизни усваивает американская молодежь? Считается ли там добродетелью выявлять свои грехи, чтобы старательно избавляться от них, каяться, может, и не скрывая это от других? - 455

196-197. Чему могут быть уподоблены образ и дела Русской Православной Церкви? В отношении православных святых есть чему позавидовать Западу – не объясняется ли также и этим всевозможные претензии к РПЦ, к России, лишь бы принизить их значение для судеб всего мира? - 458

198-199. Что более всего неприемлемо в работе любых институтов любых христианских Церквей? - 461

200-201. Что можно отвечать критикам Православия? Насколько ценят в Православии терпение и терпимость? Есть ли вообще причины у Церкви беспокоиться? – 463

Чтение сто первое, сто второе

«Некоторые режиссеры противопоставляют элитарное кино массовому и ответственность перед Богом – ответ-

ственности перед зрителем. Такое разделение возможно или любой художник отвечает перед Богом?» Несет ли творческая личность массового искусства особую ответственность перед молодым поколением, или нет разницы, если она воздействует на потребителей примером греха, как добрым?

Режиссеры народ просвещенный, да и многие настоящие художники тоже, уж, во всяком случае, о великом размышляют. И они знают: «... Никто не укроется от пресветлого и неусыпного Ока, если сделает что и в тайне: потому что все перед Ним обнажено, хотя бы казалось то и скрытым». В данном случае это сказал преподобный Исидор Пелусиот. Но такое разделение возможно, если режиссер не является христианином, он сознательно реализует свою цель как страсть, - достигнуть высокого режиссерского мастерства и известности, получить престижную премию, далее со спокойной душой и с меньшей страстью выполнять свой профессиональный долг и быть тем вполне счастливым. Даже и всю его жизнь. Но это уже некоторая социальная дисгармония, если какие-то люди вообще оказываются за кругом влияния Церкви; если не влияют благотворностью на умы и жизнь служением многим - во благо прославления силы и славы Божьей, во имя постижения Истины, любви Пресвятой Троицы, цель которой спасение людей, каждого человека. Расхождение целей и мировоззрений художника с целями Божьими, в том числе на свою собственную жизнь во имя своего спасения и спасения других людей – это очень серьез-

ное и страшное расхождение. Оно равно ответственности перед людьми и народом, ради которого художник творит. Если он этого не осознает, Бог до конца будет ждать его прозрения, и из греха можно выйти с малыми потерями, а то и приобретениями, и даже с новыми вершинами преуспеваний в благодатном даре. Но если он осознает и продолжает совершать грех распространения культуры страстей и любви к мирским удовольствиям, совращения молодых поколений, чтобы и самому купаться в этой среде, услаждая свои душу и плоть, забыв о Духе, - участь его незавидна. Бог любит детей, а похотный грешник вольно или невольно коверкает и губит души и тела взрослеющих детей, и процесс счистки с такого грешника грязи и мерзостей греха может затем быть не мягче, чем мысль прозревающего художника и режиссера о том, что лучше бы застрелиться или с мельничным жерновом на шее броситься в воду самому: так невыносимо может быть осознание грехов, так неприглядны картины преступления в одном пиру с лукавым и бесами против народа и человечности; картины чудовищной неблагодарности Богу и особенно самого подлого из подлых преступлений в мире людей и духов - предательства Его любви к детям и «малым сим». Однако Бог милостив и к погрязшим в разврате режиссерам художникам, даже и хулящим невольно Самого Христа, лишь бы для них оставалась возможность к крещению, раскаянию, покаянию, причащению Святых тайн со Святым Духом в Евхаристию. Но этой возможности страш-

ный грешник лишается на все времена на этом и на другом свете, если совершен грех хулы на Святого Духа. Подвигом героев должна быть самоотверженная работа во имя Отца и Сына и Святого Духа. В этом смысле искусство должно быть молитвой за всех. «Наш долг – молиться за тех, у кого нет времени молиться, за тех, у кого нет веры, за тех, у кого нет надежды». «В христианстве настроение одно – труд, и вся духовная жизнь основана на духовном труде. Всегда остается подвиг душевный – непрестанное понуждение сердца на всякое добро, борьбы внутри себя за любовь Божию», - внушают духовные учителя.

Чтение сто третье

«Должен ли художник непременно обладать честолюбием?» Самомнение может ли нести в себе, помимо большого греха – гордости, так же и другой великий грех – гнев, что кто-то может не разделить его убеждений; но ведь этот покушение – гневом – и на самого человекоподобного по образу Иисуса Христа Господа Бога? Должен ли православный художник говорить, как Иисус при исцелениях, чтобы не распространяли правду об этом?

Преподобный Иосиф учит: «Как не должно искать чести, так не должно и отказываться от нее живущим в обществе для пользы других. Налагаемая честь есть также от Бога». Всяческими силами он должен разделять внутреннее досто-

инство чести и честолюбия, отдаваясь первому, уходя от второго, оставляя его лишь скромную меру, ибо оно может превратить желаемое в противоположность, в унижение самим самым себя без возвышения духа и без роста авторитета в глазах других. Это второе несет ту опасность, что такой человек может быть очень раним, если кто принизит его работу, унизит - и может вызвать как грех уныния, так и гнев гнева. У честолюбивых происходят различные скандальные истории. Сильно раздраженные, либо внешне не выказывая ни уныния, ни гнева, они, тем не менее, могут вызвать на противоборство, схватку (ране – на дуэль): в ослеплении «оскорбленности» рисковать и своей жизнью, и жертвовать жизнью ближнего. Духовные же наставники учат: «Гнев ничему не помогает, только наносит вред тому, кто гневается. Из-за гордости и тщеславия так же часто случаются недоразумения. Унижать нас может кто угодно, но унижить – никто, кроме нас самих, наших дел и поступков. Нужно оставаться спокойными, даже когда другие специально стараются...» Архимандрит Андрей (Конанос) каждого призывает: «Все будет хорошо. Успокойся. Помолчи, не говори так много. Не ропщи. Вот увидишь, все образуется. И тогда тебе захочется сказать только одно: «Господи, люблю и благодарю тебя!» Это, конечно, возможно только для духовно подготовленных людей, и этой духовностью в Церкви спасаются многие миллионы прихожан. Благонравные добродетельные люди богоподобны в благодати, и как верил и знал Иисус Христос, мо-

гут быть в ней совершенными. Дорожить честью - входит в эти добродетели, честь любить не грех, и многие в результате свойств своего характера и представления о сущем живут, опираясь на категорию честности, верности слову, чести совести, солдатской чести, чести старчества, чести монашества, священничества и так далее. Хранить душевную, духовную честь, как и девичью честь и честь непорочности юноши – все это из категории душевной и духовной этики, нравственности, добродетели, процесса совершенствования, и всегда равнение здесь – на то, как вел себя живя среди людей, Иисус Христос. Христос, исцеляя людей, велел людям не говорить об этом, и это пример соблюдения чести, смирения, благоразумия. Современные же художники, обладающие грехом честолюбия, часто не преминут любой возможности, чтобы кто-то воздал им похвалы, восхищение, и, выслушав их, а затем растиражировать в прессе и на телевидении это отношение к себе со стороны поклонников. Верующий делатель искусств может хорошо знать меру своего таланта, знать себе цену, знать свое предназначение, как знал Себя и цель Своего труда среди людей Иисус Христос. Но если православный художник способен управлять страстями и бороться с искушениями, он может весьма и даже очень честолюбиво творить, думая, что Сам Бог посетил его мастерскую, вдохновляясь этим, однако укрощая искушения о собственной значимости, но заставляя себя убедить, что все гениальное уже изначально создано в недрах Бога. Это значит

иметь скромную меру честолюбия. Таким образом, православный художник может быть честолюбивым, но не должен стремиться им быть, а взять от честолюбия столько, сколько положат ему от Бога. А Господь никого не забывает. Он, Сам Творец Благой и не имеющий равных, хорошо знает, что в миру творчество подразумевает и конкуренцию; даже самые разумные в творчестве верующие в Бога желают показать, что достигли созерцания и видения высших смыслов жизни. Не случайно это не отрицают и православные мудрецы. Преподобный Нил Синайский говорит: «Когда со временем сможешь искоренить в себе все пагубные неистовые страсти, тогда посвяти себя умозрению возвышенных понятий». В совершенном же исполнении это может выглядеть, как видит преподобный Макарий Великий: «Бог наивысшая красота, к Нему ты должен возводить ум и помыслы и не содержать в мысли ничего, кроме желания увидеть Его».

Чтение сто четвертое

«В Церкви много говорится о послушании, об отсечении своей воли, о следовании церковным уставам. А для разума человека, для его творчества остается ли место?» Своеобразие и мятежный дух творчества родственны? – что нужно отсекать? В храмах нужно больше думать о скоротечном бренном или вдохновляться? В Царство Небесное надо входить очищенными, но ведь в Храм Божий входят грешни-

ки, должны очищаться перед приходом в храм? Чтобы уверовать необходимо воображение и творчество, как сотворчество всего с Творящим все Богом, а если в душе нет творчества?

Включаем разум. Задаемся вопросом, очерчивая проблему. Что значит, много ли, мало ли говорится в храме Божьем? Не говорится в Церкви ни более, ни менее положенного от Бога и устава Церкви. Храмы и паства их постоянно трудятся, как и Ангелы, преуспевающие в каждый миг. «Язвительный //«своенравный»// нрав свой обуздай сухоядением, и строгость сердца своего смягчи усердием, похотливость тела своего иссуши трудом, и тогда сможешь поднять крест Христов. Научи сердце свое любить брата своего, и тело свое люби так, как полюбил бы коварного человека», - то есть отвергни ненасытность плоти и греховных искушений, будь благоразумен. Не только в Церкви, но и в каждом нормальном доме всегда в воспитательных целях, чтобы наладить путь в будущее, говорится о необходимости благоразумного послушания, о пресечении страстей. В храм ходят не для того, чтобы переиначивать услышанное в свои сомнения. Для верующего в Бога в храме прежде всего – приобщение Святых Тайн. Симеон Новый Богослов говорил: «... Нет возможности, чтобы кто-нибудь приблизился к святому и чистому Богу, если прежде не освятится он, не очистится, не сделается добротным благодатию Христовою, и таким образом не станет богат по благодати». «Если жалуешься, если

всем недоволен, если ропщешь на свою жизнь, если тебе чего-то не хватает, и ты чувствуешь скорбь – это происходит, потому что тебе не хватает Христа и смирения. Не хватает смирения, но зато много эгоизма», - говорил архимандрит Андрей (Конанос). Хорошее творчество для разума и в миру несет в себе любовь, а идеальное творчество есть отражение идеальной любви. Бог абсолютно Творческая Личность, то есть созидающая гармонию в гармонии своих технологий, нам до конца неведомых по определению. Но факт есть факт. Бог не послал бы к людям Своего Сына Иисуса Христа, чтобы через Него, Второго Адама в Духе, передать Новый Завет к спасению их в вечной жизни в пределах Бога, как братьев Божьих – по оставлении прежней ветхозаветной сущности людей в их душах. Ибо сначала была душа, а затем и Дух. Бог через Сына Своего поправил грехи людей, их смерть, и, значит, выкупил человечество, и оно более не может жить по той воле, как жило при ветхозаветных временах. Их Господь для людей отсек. Кто живет ветхозаветным, он живет, будто покрыв свое сердце покрывалом, как говорил Павел. Но только чистый сердцем войдет в Царство Небесное, - повторяет новозаветные заповеди Церковь; и чтобы жить и выполнять свою благородную миссию во имя спасения человечества в Боге Троицином, имеет свои обязательные правила и уставы. При этом Церковь, следуя за Богом, оставляет за людьми их право веровать или не веровать, раскрыть покрывало от сердца или оставаться с новозаветным покрыва-

лом. Но, оставляя волю, Бог оставляет их с разумом; Церковь старается воздействовать на этот разум дарованной Божьей правдой проповедью Евангелия, то есть правды о Божьей истине и о любви Божьей к людям. Бог послал на землю Сына Единородного, предал Его жертве распятия на кресте вместе с взятыми на себя, и смертью искупленными, грехами человеческими. Это ознаменовало, что по воле Божьей, но не по собственной воле люди были преданы жертве освобождения от прежней воли вечных грешников, поскольку пришел Новый Завет – новый договор Бога и человека – и по новому договору люди в миру для вечной жизни мертвы, и живы вечно только в благодати Царства Небесного. Для этого воскресший Господь, подготовивший людей и Церковь, дал благодать креститься в Церкви Святым Духом, а по раскаянии в грехах причащаться Святого Духа при вкушении Тела и Крови Христовых, чтобы Христос вошел в плоть и кровь людей, и они стали богоподобными по благодати и увидели через сущность Христа, что Он есть и путь, и истина, и жизнь, и спасение в жизни вечной на небесах. В воле и разуме любого человека принять этот благой дар Пресвятой Троицы Небесной либо не принять, хотя, в общем, такое право люди потеряли, умерев в своих грехах вместе со смертью Христа на кресте. Они были оживлены в тот же момент, как Иисус вознесся, и некоторое время они жили в растерянности, пока Христос не указал путь в Небесное Царство. Очевидно, что творчество людей (без излишних фантазий, без кощун-

ства и пошлости) есть неперемное условие, чтобы они могли представить себе то, во что уверовали. И это же одна сторона из путей в рай, где испытание благонравия и чистоты людей в день Страшного суда будут виднее всего, причем, - со стороны самих согрешивших, дабы не усомнились они в справедливом решении с небес и в бесконечности Божьей любви. С другой стороны, не стоит увлекаться мыслью, что человек познает себя в творчестве, ведь может оказаться – что познает монстра; но, как утверждает преподобный Исидор Пелусиот (52, 278), - «Не словами... надо очаровывать слушателей //ценителей искусств, зрителей и читателей//, но деятельностью вести за собой видящих жизнь твою». Имеется в виду, конечно, благодетельная, образцовая жизнь.

Чтение сто пятое

«Существует стойкое убеждение, особенно среди интеллигентных людей, что православие ограничивает свободу творчества, свободу самовыражения. Чем это объясняется?» Критики Православия, как Церкви якобы выступающей против самовыражения творческой личности, являются ли врагами Церкви, за которых надо молиться?

«Православие – это распространение любви Божией. Любовь Божия – источник благодати», - говорит Тихон Задонский. Значит, Церковь распространяет благодать, а чего надо для творчества? Чтобы Бог указал истину в расшифров-

ке благодати способом художественного мастерства, творчества, дал для это особого свойства терпеливость. Так? Вероятно, да. Святитель Феофан Затворник учит: «Надо отворить Ему - Господу - дверь. Ключ от двери сей: огненная ревность и безжалостное самоотвержение». Ограничение свободы творчества может быть только осуждением и воспитанием. Не осуждая, Церковь молится, и желает молитв каждому художнику, уверенная, что без них не может быть ни от одного из них никакого доброго прока. «Молитва ограничивает свободу, желая самоотдачи». В таком ограничении свободы уходят на второй план и исчезают химеры сомнений и искушений, на первый восходят - посылаемые светом добра и любви. «Молясь, по мере сил охраняй свою память, чтобы не что либо свое внушала тебе, но возбуждала тебя к разумному продолжению молитвы, потому что ум во время молитвы обыкновенно крайне обкрадывается памятью». Так наставляют духовные учителя. Да, для таких «интеллигентных людей», о которых в вопросе речь, - а здесь под ними подразумеваются далекие от деятельности чернорабочих, но близкие к творческому умственному процессу люди, - жизнь в условиях принятия аскетического образа мышления и жизни (с установкой, что все благое создается Богом, но отнюдь не одной только творческой личностью), кажется неудобной, неудобоваримой, чуждой их воле и свободе. Здесь и ограничение свободы творчества, и свободы самовыражения. Но это с необходимой стороны церковной морали. Люди же са-

ми могут выбрать – следовать по пути, указанному Церковью или же нет. Если бы «творческие интеллигентные» люди решились бы для себя, что они чувствовали бы себя совершенно свободно, если бы исчезло православие, Церковь, и верующие в Бога люди, - то это их личное искушение, и это их помыслительный грех. Церкви хорошо видны и понятны данные греховные и тщетные потуги испорченных людей, которым в их мерзостях еще немного и... вот-вот их роковой шаг хулы на Святого Духа, после чего даже вся Церковь целиком будет бессильна вымолить прощение Божье и спасение грешника в вечной жизни. Да и не сможет молиться, ибо по богодухновенной истине это все равно невозможно. Церковь молится за заблудших и даже открытых врагов своих, терпеливо, даже не вмешиваясь в заблудшее творчество заблудшей личности. Но пока еще не переступлена черта самого смертельного греха, Церковь, не в силах попустительствовать всякой причине гибели человека и многих заблудших людей; по мере возможности вмешивается в процесс увещевания, воспитания, приведения людей в душевное и духовное состояние; за ними начинается раскаяние, покаяние; и видны узкие и длинные двери в виде тоннеля к спасению в Царстве Небесном. Если к концу данного тоннеля скверных надписей на его стенах будет все меньше и меньше, и, в конце концов, они исчезнут либо останется ничтожная последняя гнусность, это будет означать, что свобода самовыражения человека привела его к вечной блаженной жизни. Иначе –

внешние пределы, где горят в огне и скрежещут зубами. Вот этой заботой о людях и объясняется то, что Церковь ограничивает свободу заблудшей овце в своей пастве и опосредованно указывает на смертельные тропинки, ведущие и овец, и козлиц в пропасть и ад, всем до сих пор не узревшим в Бога, или предающим Бога людям. Речь конечно и о том, лукавом, кто может указать ложный путь к свободе, совершать и заставлять совершать дурные поступки, выдавать себя за другого, не говорить правды, когда ее рядом ищут. «Лицемер – выродок, имеющий образ человеческий, а мысли бесовские... Он закрывает от нас истину или, еще хуже, выдает ложь за истину, обман за мудрость, хитрость за благоразумие, обиду другого за правосудие, развращенность за похвальную благопристойность, а тем смешивает Небо с землей и все дела человеческие заполняет мраком и извращением», - так рассудил митрополит Московский Платон (105, 356-357).

Чтение сто шестое

«Достоевский сказал: «Красота спасет мир»; как к этим словам должен относиться христианин, если он верит в то, что земная история кончится приходом антихриста и Страшным судом? И может ли красота спасти самого художника, ведь несмотря на то, что искусство предлагает ему некий духовный путь развития, верующий человек знает, что спасе-

ние невозможно без покаяния, без ощущения себя рабом Божиим, а это, как правило, идет в разрез с общепринятым понятием творческой свободы». Путь к творчеству обязательно должен быть путем преодоления препятствий? Можно привести примеры красоты и смирения перед нею творчества в его воле выбирать? Какие составляющие должна включать в себя творческая свобода?

Общепринятого понятия творческой свободы в ее категориях, устроившей всех, - в силу доброй воли каждого судить по своему усмотрению, - по определению существовать не может. Многие великие живописцы, чьи творения украсили мировые христианские храмы, часто не свои прихоти удовлетворяли, но несли на себе тяжкий груз исполнения заказов тех или иных ответственных ценителей и определителей искусств Церкви, даже и в течение десятилетий, всей жизни. Это дает основания не мучиться виной, что ты живешь тихо и творишь тихо, как жизнь заставляет, но ты не художник, потому что не можешь размахнуться на весь храмовый купол. Святитель Григорий Богослов успокаивал так: «Надо без ропота принимать любой поворот кормила, которым Бог изводит меня из борьбы и жизни, пока не войду в тихую пристань...» Творческая свобода – это ведь и очень сложный путь преодоления препятствий. Дай художнику свободу, и он может полностью использовать ее не чтобы сосредоточиться на главном, «устранив лишнюю память», а как раз чтобы нагромоздить впереди себя горы задач и проблем: чтобы глуб-

же понять и себя, и людей, и Бога, затем все через Бога и, наконец, главное - себя через Бога, Его частицу в себе и ее функцию в твоём таланте. Да, бывает тем и счастлив художник. Вот что такое свобода творческого человека! У святых отцов сказано: «Если бы кто-нибудь призывал тебя к земному царству, а путь к нему имел бы много стремнин, утесов и других препятствий, то //разве// не решился ли бы ты на все сие для приобретения царствования?» Художники так и поступают. Но в духовном плане для спасения каждого им следовало бы с таким же рвением идти к Богу. Если человек этого не достигает, он не обязательно ввергает в себя в ад, но если ради славы во имя исполнения похотей безнравственных заказчиков, приняв их свободу бессовестности, глумится над святынями, то он губит свою душу. Надо идти к Богу, видеть только в Его задачах исполнение своего творческого служения в жизни. Духовный наставник Николай Гурьянов говорил: «Надо жалеть тех, кто идет против Бога... Поймите, их ожидает только ад... Если человек не обретает в своей душе Бога – вся его земная жизнь не имеет смысла». Как творческая свобода, так и не творческая свобода, а равно и свобода творчества и несвобода творчества, в разных условиях и для разных людей могут являть собой синоним «красоты». Красота есть сотворение мира и то, что будет предшествовать его падению и разрушению непосредственно в преддверии Страшного суда; хотя о последнем, страшно описанном в пророческом «Апокалипсисе» апостола Иоанна Богослова,

кто-то найдет представшую грань смены эпох смертности и бессмертия за красоту гибели мирского и утверждения своего бессмертия. Красотой может являться гряда гор и убранство долин, синева моря и необъятность пустыни, нагромождение конгломератов горных пород, отражающих солнечные лучи на пике Эвереста, представший перед ногами альпиниста будто бы горный и дольный мир. Так же как красотой видится изучаемое насекомое, способ добычи пищи леопарда, капля воды, подвиг выживания в невыносимых условиях мужественного человека, нежность и беззащитность ребенка, взгляд его матери, суровость его отца. Красотой является любовь Божья, которую дает художнику выбор: будь абсолютно свободен и в своем творчестве и наслаждайся этим; и другому художнику - если будешь иметь самоограничения, создавать своим трудом равновесие, равномерность в жизни, чтобы тому, у кого много, не было сверх меры, а тому, кому не хватает, чтобы не было ниже необходимого, то я возьму тебя в Свой Дом в Небесном Царстве, и ты поделишь его со спасенными, будешь жить вечной жизнью в блаженстве своего созидания, своего любимого занятия. Сказано: не каждый возьмется, а так, что один возьмется в рай, а другой не возьмется. Возьмется рисующий пейзаж, и останется на пленере уже нарисовавший; возьмется из двух танцующих в паре, а другой удивленно останется на сцене. Словом, еще и смиренной и праведной творческой личности надо потрудиться как следует, чтобы обрести эту истинную свобо-

ду. Это дается в определенной конкуренции веры и надежды. А ведь для того, чтобы резко увеличить шансы, и надо-то всего: однажды раскаяться в грехах, прийти к крещению и покаянию, к причащению Тела и Крови Христова в Святом Духе, и с тех пор рабом Божиим верить, что Бог не оставит тебя; если не оставил ранее, то теперь уже и вовсе не ответит от тебя глаз, и при этом - качая головой на неразумность тех, кто всерьез печется в миру о каком-то, будто бы имеющем значение для души человека, «общепринятом понятии творческой свободы». Свобода здесь должна заключать в себя честность и правду, а выражение в творчестве – истину и высшую правду Божества жизни. Но и здесь одно дело заявлять об этом, а другое – быть примерным христианином. «Называешь //в своем творчестве// Бога Отцом, Господом, Царем, Защитником и Помощником, как в молитве Господней, псалмах и прочих песнях верные Ему молятся и поют; хорошо, это признак веры... Но смотри... Не работаешь ли мамоне (Мф. 6, 24) и прочим идолам? Не царствует ли над тобою грех, когда Царем своим Его называешь?» - назидает святитель Тихон Задонский (104, 909-910).

Чтение сто седьмое

«Приложимы ли образы классической литературы, созданные русскими писателями прошлого столетия, к современной жизни воцерковленного человека?» Можно ли счи-

тать «идиота» князя Мышкина Достоевского попыткой сотворения хоть в чем-либо прототипа Иисуса Христа? В жизни больше онтологических мирских чудес или Божьей мудрости? Можно ли воспринимать литературных персонажей не так, как хотели в свое время их создатели? Жизнь героев, по сути, не меняется ни в столетиях, ни в тысячелетиях?

Многие приложимы. Миром правит, все же не зло, а, все-таки, любовь и продолжающиеся в любви Божьи чудеса. Люди остаются все теми же, меняются обстоятельства, но они захватывают только часть людей путем бесовских сетей. Если князя Мышкина из романа Достоевского «Идиот» переместить в современное время, было бы то же самое: якобы, человеко-богоподобное существо попадает в мир, где о богочеловечестве помнят чуть ли вовсе немного; и его порода (с болезненно вскрывшейся для очищения от гноя до благодатной сукровицы застарелой язвы человеческого порока) сталкивается с постоянными ловушками бесовских сетей. Он вначале будто бы легко перешагивает их, и они, входя в свиней, бросаются с обрыва и тонут в море, но он поддается искушению испытать боль и смерть любви и, в конце концов, позволяет себе раньше времени уйти из мира будто бы по болезни, которую вылечить не удалось. Он оставляет по себе память у горстки людей, тогда как оставшаяся вначале у горстки людей память о Сыне Человеческом затем перерастает во всемирное христианство. Ничто человеческое, даже у самых идеальных людей, не перерастает в вечное. Алгоритм

жизни людей всегда одинаков. Кто ищет бездны, тот видит бездну, кто ищет света, тот видит солнце и Бога, остальные как птицы: одни либо преодолевающие даже перелет океана, подержанные дланями ветров, а другие, не рассчитывающие своих сил и предназначений, - не одолевающие и двух вершин, чтобы либо упасть в пропасть, либо быть схваченными когтями орлов. Князь Мышкин подошел к краю и стал смотреть в бездну, она и утянула его. Сколько же таких героев и сегодня - стоящих между потребностью жить духовно и миром зла; где чем человек благороднее и бескорыстнее, тем больше раздирают на части или ставят сразу у обрыва и сторожат, пока не сгинет, как препятствие им. Так было и тысячу лет назад, и сто, и ныне. Ничего не поменялось от первого греха. Если же люди покаются в грехе, ищут утешения в безднах Божьих, то всегда на вершинах в дланях его. Григорий Палама сказал: «Поелику Бог есть сама благодать, само милосердие и бездна благоволения, то, кто вступит в единение с Ним, всяк сподобляется милосердия Его». «Если посмотреть на жизнь внимательно, то вся она исполнена чудес, только мы часто не замечаем их и равнодушно проходим мимо. Жизнь всякого человека идет по некоему таинственному плану, все в ней целесообразно и премудро», - говорят духовные наставники. Развивая тему, добавлю: все зависит от образов произведений, живущих веками, и от степени воцерковленности человека, за которой – право и внутренняя способность совести и страха Божьего эти образы вос-

принимать. Если исходить из того, что в русской литературе золотого и серебряного веков нередко можно было встретить образы героев и персонажей, которые было бы легко и ныне воспринять как образы очень воцерковленных и старательных в вере людей (включая из них благородных мужчин и благонравных женщин, а также образцовых священников и других), то сегодня все они современниками, погрязшими в безверии больше, чем прежде, могут восприниматься идеалами верующих людей. И в то же время, со стороны истинно воцерковленных людей даже эти, казалось бы, достойные герои и персонажи, могут выглядеть весьма неприлично, не смиренно, не рассудительно. Жизнь у воцерковленных и невоцерковленных людей как она была разная в минувшем столетии, так и остается разной и в нашем столетии; и так будет всегда, и через новые две тысячи лет, если Господу угодно еще раз прийти к людям не раньше истечения этого срока. Главное всегда сохранять православную доминанту и для себя, и для своих героев, реальных и воображаемых, для которых нет выше примера служения добру Христа с Его первых шагов на земле и нет выше идеала, чем то, где Он встретит нас – блаженное Царство Небесное, а не какая-то дешевая пошлая обитель, построенная неким героем на деньги после удачного ограбления банка. Ибо ведь, как учит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, «... ты не получишь никакой пользы от того, что хорошо начнешь и покажешь ревность при начале отречения от мира, если конец

не будет соответствовать //предначертанному в заботе о твоём подлинном счастье// началу» (53, 45).

Чтение сто восьмое

«Как относиться к тому, что в искусстве – в литературе, живописи, кинематографе – используются ветхо – и новозаветные тексты? И можно ли изображать Иисуса Христа, Божью Матерь, Архангелов в светских художественных произведениях?» Церковь может ли быть цензором светских произведений по евангельской тематике?

Бог видит все, что говорится о Нем и как пытаются сказать о Нем, или же как показать Его. Святой Макарий Великий говорит: «...В какой мере собираешь ты ум свой к исканию Его – Господа, - в такой и еще в большей мере понуждается Он собственным Своим благоутробием и благостию Своею прийти к тебе и успокоить тебя». Если придумать себе секту, где выдуманы исторические персонажи, которых она наделяет сакральными духовными знаниями и учениями, и возвещает о их священстве до такой степени, что и шепнуть о них вне стен собрания секты воспрещено, то да, там все будет идти по своим законам. Так, порой, воспринимают, и христианство, Церковь, паствы различных приходов верующих людей. Но православие развивалось со времени прихода к людям настоящего Бога, Богочеловека от того, что таким решил послать Его к людям для искупления их грехов Его смертью Его Отче, Отче всего человечества

Бог Отец, а с ним - Троица. Иисус Христос жил среди людей, проповедовал, выполнив свою миссию, восшел на Голгофу, погиб, предав с Собой смерти и до-новозаветные человеческие грехи, затем вознесся вновь к небесам и оттуда вернулся к людям, но не в образе Духа, а Духа-человека, чтобы видели, что будучи человеком он был Бог, передав дар крестить Святым Духом и тем спастись вечной жизнью, пока вновь не вознесся в недра Отчее, в Троицу. Все эти и другие многочисленные эпизоды из жизни Иисуса Христа, а также воли и славы Пресвятой Троицы в разных ее ипостасях (слитности и неслияемости, вместе с поступками Ангелов, а также деяниями Апостолов, их жертвах и проповедях в разных храмах Церкви), они запечатлевались и запечатлеваются и по ныне в различных художественных произведениях. Если бы Церковь являлась цензурой всех издаваемых произведений по мотивам истории развития христианства, начиная с зачатия Святым Духом младенца Иисуса Христа (о котором пророчествовалось как об Эммануиле, и это имя означает «с нами Бог»), то, несомненно, все произведения, все тексты, все образы артистов подвергались бы внимательному рассмотрению – где они уместны, где нет и как должны быть поданы. Так Церковь и осуществляет в сфере своей церковной деятельности, своей епархии, своей компетенции в мире, где есть и Церковь, и институты мирской государственной власти с их допущениями или поощрениями тех или иных видов искусств. Светская жизнь, создавая произ-

ведения на евангельскую тему, далеко не всегда обращается за советами и консультациями к Церкви, частично из-за гордыни, а частично из оправданного опасения, что с Церковью придется работать только максимально честно, тщательно, а то еще и смиренно, признавая все свои грехи, что вынудило бы в произведении прежде всего указывать на них, на дурное и все зло мира, а не только на согрешивших евангельских персонажей. Всякий блуд Церковь придает анафеме, но в современных произведениях «кассовый сбор» часто может дать только тиражирование этого самого «блуда», как посягательства на истину о намерениях Божьих, ереси и греха. Так что цензором греховных поделок при тех реалиях, что они все время множатся, а не уменьшаются, Церковь быть не может по определению. Если бы имелась другая тенденция, Церковь видела бы в этом и свою необходимую роль, как видит сегодня в том, что, так или иначе, сдерживает если не поток, то планку допустимого в произведениях со ссылками на Евангельские истории, в том числе помогая материально для создания достойных художественных вещей. Если бы не так, положение было бы вовсе плачевным, и было бы, как сказано: «Демоны поражают инока, пребывающего в молитве, болезнями телесными, угнетают нищетой, недостатком внимания и помощи человеческой» (108, 158).

Чтение сто девятое

«Что можно сказать о «Мастере и Маргарите» Булгакова?» Если роман признан, как «классический» даже в среде культурной интеллигенции, может он быть эталоном светских романов, где соблюдена грань допустимого?

Протоиерей Сергей Филимонов наставляет: «Существует духовный закон, который должен исполнять каждый православный христианин, и заключается он в трех простых словах: смиряйся, терпи и не отчаивайся». Вроде бы так и решила поступить главная героиня, Маргарита, но по доброте своей, все же, искусилась сделать некое добро, а затем и оставить все в прошлом, - без мирского будущего, - через принятие помощи темных сил. В романе сделана попытка обвинить новый социальный строй через трагедию семьи непонятого советской властью «гения»-писателя; но, все же, обращаясь к теме о Боге, писатель совершил свое прегрешение: слишком вольную трактовку евангельских событий. Не придя совершенно к Богу, но доставив радость темным силам, он и поплатился тем, что вызвал их большое любопытство; как поплатилась в следствие всего этого и его верная Маргарита, пошедшая ради него и на отвержение от Божьей правды. Не случайно же одним из духовных учителей сказано: «Нам мешают ни другие, мы сами себе мешаем. Мы сами себе – наибольшее препятствие. Думаем о зле, которое вокруг нас и кружит повсюду; но если бы зла не было в нас самих, оно бы нас не задевало». Поскольку в этом произведении вольно интерпретируются евангельские события, пра-

вославная Церковь относится к этому произведению как к продукту греховного мира, который, возможно, и не достоин суровой участи быть преданным анафеме, но который должен был бы быть куда как более совершенным, если в нем делаются попытки развить литературно и метафорично образ и функции Спасителя в человеческом мире. Что касается отношения к произведению многих верующих людей, даже духовенства, то здесь существуют самые разные суждения. Многие из них, наверное, оправдывают произведение, как удавшееся, поскольку образ Иисуса Христа здесь, в герое Иешуа, показан привлекательным, в который влюбляешься с первого взгляда; и даже образ Понтия Пилата здесь вызывает определенную симпатию, поскольку сильно раскаялся в содеянном в отношении Иешуа, и в фильме по роману он даже прямо приказал наказать предателя Иуду. Однако книга Булгакова не указывает на то, что должно быть торжеством Истины – на недопущение сознательного убийства, лишения человека жизни, что продолжал делать Пилат даже и во имя памяти загубленного Праведника. Смерть Праведника стала причиной смерти другого человека, тогда как по вере в Бога это – в свете назиданий самого Иисуса Христа - совершенно невозможно. Это свои частности. Слишком большое внимание уделено темным силам, придание лукавому - в произведении начальнику охраны наместника Рима - образа милосердного мстителя за смерть Праведника (а он же и есть в прошлом тот главный персонаж темных сил, ко-

торый в романе попадает в Москву XX века в образе диавола), это также противоречит постулатам христианства, Церкви о роли и свойствах властителей темных сил. Для глубоко верующего человека вообще трудно или почти невозможно чтение произведений, где много страстей, суеты, как и придания большой важности каким-то мирским делам, будь то даже работой по поимке в городах одной страны группы бесов во главе с их предводителем. С другой стороны, великие таланты от литературы и искусства всегда притягивали к себе внимание как воцерковленных, так и – тем более - невоцерковленных людей. В сравнении с иными жуткими попытками представить Иисуса Христа в своих произведениях, в том числе на полотнах живописцев, в кино и театрах, произведение «Мастер и Маргарита» могло бы стать образцом той последней черты кощунства и ереси, за которую уж точно уже никому нельзя переступать. И это также частное мнение, пример того, что можно сказать или чего не досказать о произведении Михаила Булгакова, которое он писал, терзаемый сомнениями, ни много ни мало 20 лет, также, как и художник Иванов свое знаменитую картину «Явление Христа народу», вызывавшее и вызывающее до сих пор определенные споры даже среди духовенства православной Церкви. Создан определенным образом и в своеобразной манере, с особым мироощущением и мировоззрением некий отдаленный образ живущего в наше время среди хаоса отношений людей Иисуса (князь Мышкин) в произведении Достоевского «Идиот».

Трагическая судьба его указывает на то, как нелегко людям с христианской моралью принять греховное бытие мира; с другой стороны, православным авторам, - может ли быть? - следует, все же, указывать не столько на смерть, неизбежную в мире греха, а на торжество Бога в любых его персонифицированных воплощениях на земле. И в любом случае: «Берегись закваски фарисейской, которая есть лицемерие» (Лк. 12, 1). Отличительная черта лицемерия – делать все напоказ. Действовать на глазах других не есть еще лицемерие... у них может быть искреннее желание делать добро... Лицемерие начинается с того момента, когда является намерение не добродетель делать, а только... когда имеется в виду установить за собою репутацию делающего добро... Делай добро по желанию //своему// добра другим, по сознанию на то воли Божией, во славу Божию...» - учит святитель Феофан Затворник (107, 371-372).

Чтение сто десятое

«Почему считается, что для верующего человека просмотр фильма Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа» опасен?» Верующие более привиты к искусству греха, можно ли им смотреть скабрёзные фильмы без опаски для души? - В чем тут опасность?

Разумеется, кто-то скажет, что опасен просмотр, кто-то, что опасен режиссер; а кто-то, что опасен неверующим, а

верующим и вовсе не опасен. Да, истинно верующим совершенно не опасен; ведь они то, что не надо, и смотреть-то не будут. Духовный наставник старец Николай Гурьянов внушает: «Помни, что все люди немощны и бывают несправедливы. Учись прощать, не обижаться. Лучше отойти от причиняющих вам зло – насильно мил не будешь... Не ищи друзей среди людей. Ищи их на Небе – среди святых. Они никогда не оставят и не подведут». Многое, если не все, зависит от того, как человек в себя увиденное и услышанное воспринимает. Каков он есть произволения сосуд. Он может смотреть со всеми друзьями фильма, и для кого-то из них они окажутся опасны, а для него – уже нет. Сказано: «Очисти сосуд твой, чтобы получить тебе большую благодать. Ибо отпущение грехов равно дается всем, причастие же Святого Духа даруется по мере веры каждого». Итак, для истинно верующего человека это не опасно, и такое ознакомление является, в общем, случайным и далеко не частым. У верующих людей вырабатывается иммунитет против засорения сознания кощунственными мирскими картинами. Сошлемся на компетентное мнение священнослужителя (М. Козлов), который здесь, в частности, замечает: «Зритель, который увидел кинематографический образ Спасителя – прости Господи! – в эротической сцене, потом десятилетиями не сможет избавиться от этого образа во время обращения ко Христу в молитве. Человек, который «узнает» из сюжета этого фильма, что Мария Магдалина стала женой Иисуса Христа, су-

меет ли думать о ней как о святой равноапостольной? Такого рода засорения нашего сознания и подсознания допускать ни в коем случае не следует – вокруг нас и так слишком много грязи». Добавим, что это недопущение, как недопущение большой опасности, относится, в основном, ко всему неверующему населению мира, поскольку многие, увлекшись домыслами сообразно собственным мироощущениям и греховному опыту, могут впасть в непоправимый грех и не спасти свою душу для бессмертия в Духе. Дьявол не спит. «Падший ангел старается //всех нас// обмануть и вовлечь в погибель... предлагая... //нам// не только грех в разных видах его //и в искусствах//, но и несвойственные... //нам// возвышеннейшие добродетели» (112, 54), как, например, и уверение в том, что нам не опасно пробовать понемногу греха, ибо мы привитые верою в Бога.

Чтение сто одиннадцатое

«Разве можно судить о фильме, не посмотрев его?» Понятно, что не обязательно специально делать дурное, чтобы знать о дурном, но некоторые считают себя гениальными в киноиндустрии, на какие они могут пойти искушения? Поможет ли тут поправка в Конституцию России об уважении Бога?

Можно; как сказал Иоанн Лествичник, «Совершенно соединивший чувства свои с Богом тайно научается от Него

словесам Его». Тайно, а не в каком-либо зрительном зале. Можно судить по фрагментам фильма, рекламным роликам, мнениям видевших этот фильм других людей. Совсем не надо обязательно видеть зло, чтобы опасаться его, судить о нем по тому, какое воздействие оно оказало на других людей или тем более человечество. В вопросе, впрочем, видно, что надо иметь в виду, что бывают очень сложные, не легкие для понимания всякого человека произведения, а также и замыслы авторов и режиссеров, которые надо понять, и до которых еще надо дорасти. Если следовать данной логике, то можно прийти и до «гениальности» оператора, который убедил режиссера сделать какой-то особо важный крупный план, например, и поцелуя, и сжатых пальцев крупным планом, дабы указать, что трепет плоти неотделим от трепета духа, и так далее. Потом перейдем к «гениальности» автора монтажа, а также и «гениального» критика, определившего фильм гениальным, - и которые все вместе также могут иметь свои концепции из своего личного опыта восприятия и мирской, и Божьей правды. За всем этим очень близко личный расчет и корысть; и если попустительствовать этому, то с помощью сил зла, лукавого и бесов появятся фильмы, извращающие и суть жизни Христа и Христианства, Церкви и верующих, жизни и смерти всего рода человеческого. Поэтому с точки зрения Православия можно было бы даже при одном слухе, что кто-то собирается создавать кощунственный фильм или создал его обо всем этом, - предпринимать возможные меры,

чтобы противостоять этому и постараться выпуска фильма в массовый прокат не допускать. Новая поправка в Конституцию России о том, что ценностью и правом граждан является вера в Бога, как вера, пережитая предками народа, открывает пути к боле эффективной работе всех религиозных конфессий страны, а в первую очередь Православной Церкви. Необходимые меры таким образом принимаются не только от души, но и от ума. Духовно мы должны бежать от мира и видеть смысл в конце пути для начала нового, но не искать смерти пока живем. «И вот настоящая смерть, когда душа разъединяется с божественной благодатью и сочетается с грехом. Имеющие ум должны избегать такой смерти и страшиться» - говорят духовные старцы. – «Когда ум станет свободен от страстей, тогда средостение, которое было между им и Богом, падает», - уверяет нас Авва Исайя (Скитский).

Чтение сто двенадцатое

«Правомерен ли один из главных аргументов НТВ: кому не нравится – пусть не смотрит?» Какие рецепты имеются, чтобы отвратить себя от телевизионных зрелищ?

Да, лучше не смотреть. Мудрые учат: «Где просто – там ангелов со сто; а где мудрено – там ни одного. Жить проще – лучше всего. Голову не ломай. Молись Богу. Господь все устроит. Не мучь себя, обдумывая, как и что сделать //даже и какой канал смотреть, а какой нет//. Пусть будет, как слу-

чится – это и есть жить проще... //Но вместе с тем с умом// Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение», в том числе и телевидению. Церковь и государство живут по своим основным законам. Церковь руководствуется принципом свободы воли, дарованной людям их любящим Богом, и кто верует – тот верует, кто нет – тот нет. Мирские программы телевидения государственных и не церковных коммерческих каналов вправе иметь свою позицию: смотри тот, кто желает, кто иных позиций – не смотри; главный ли это аргумент НТВ или нет, пусть судит каждый со своей колокольни, но это не суть и важно. Для глубоко верующих людей эта позиция совершенно не является оригинальной: все две тысячи лет христианства отрицающие веру нравственной веры в Бога оправдывают свои утехы или личные цели небрежным высокомерием: выбирайте – либо удовольствие, либо кабала веры в то, чего, быть может, и не существует. Все грехи человеческие совершаются по внушению лукавого, у которого противоположная цель цели спасения людей, - и он отвечает через своих ставленников примерно также и еще более изощренно; даже и прикидываясь целомудренным, но, тем не менее, широко транслируя и множа различные искусства, примеры утех и удовольствий, выдавая их за использование права и различных свобод. И, на первый взгляд редкие и невинные трансляции превращаются в широкую пропаганду быстрого совращения множества людей со слабой волей противостоят дьявольским ис-

кушениям и грехам. Готовый рецепт, чтобы быть с Богом, дается и такой, от Исаака Сирина Ниневийского: «Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом, приняв в себя ощущение одного услаждения, не поработенного //никаким посторонним влиянием и// чувством? – Послужи милостыни». То есть займись тем, чем и должен православный человек – избегай жизни, и видя мир во зле, думай о добре, и совершай его добрым подаянием, а не тем фальшивым, которое, как только принявший милостыню монетами через минуту разожмет кулак, а увидит там вместо монет гнилушки или черепки.

Чтение сто тринадцатое

«В последнее время начали говорить о необходимости цензуры на телевидении, в прессе, даже в кинематографе. Как она могла бы осуществляться с православной точки зрения?» В мире, где все зло, кроме Божьего, правильной критикой всего не охватить? Какая цензура бывает в миру?

Цензура, если бы ей поддавались, учитывали бы ее, а не пытались искать лазейки, чтобы делать еще больше дурного (а в грешном мире этот механизм хитрости и лжи так и работает: что-то выметешь, отвлечешься, а уж на том вместо одного несколько гадящих бесов), - была бы благом для многих невинных душ. Надо, чтобы молодые поколения тянулись к Богу и стали любить Его. А если Его не показывают, заме-

няя всем, чем угодно, то Им и воспитать нельзя. Изречено: «Кого мы не знаем, того не можем любить. Поэтому дитя не может любить Бога, доколе не услышит о Нем и не узнает Его». Но цензура цензуре рознь. Разве сказано Богом, что не надо знать, не надо показывать, что есть и зло? Определить его попунктно невозможно, ибо оно – в мире все, кроме тщательного исполнения Божьей воли. Верующим людям приходится с тревогой думать о завтрашнем дне своих детей, и не лучше ли укрепляться в вере Бога и в милости Его, чем глубоко внедряться в сферы, которые уже не четко охватываются родительским умом? Это может быть знаком, что надо дать ребенку самостоятельный путь, его окончательный выбор. И вот тут уже следуй, как советуют: «Не тревожься за своего ребенка. Он найдет свой путь. Ты живи своим счастьем, прояви его вовне, и это будет твоим самым большим вкладом в благо твоего ребенка. Не беспокойся, Бог защитит его и поможет ему достигнуть цели. Ведь каждый достигает чего-то в своей жизни. Сила нашей души огромна». Родители (государство) не в силах не только запретить делать кому-то из чад своих (гражданам) кино или ставить спектакль, но даже и сделать из них, собственных детей (граждан), чего бы хотели. У многих из них свой самостоятельный путь; отпускать в вольное плавание это тяжело, но и это надо перетерпеть. «Терпение есть как бы камень, неподвижно стоящий против ветров и волн житейских, и достигший его не изнемогает при наводнении. Любовь Божия также отличает-

ся от любви родительской, как благодать от лукавства» - говорил святитель Иоанн Златоуст. При этом верующие люди всегда молятся за тех, о ком пекутся и в молитвах обращаются за советом к тем, кто сильнее в духе искушенных теле-и кинорежиссеров всех известных мировоззрений, как и всех - изошренных в искусствах свое мнение ставить выше других - цензоров человеческих. Преподобный Никон Оптинский учил: «Молись святому Николаю Чудотворцу и святому Спиридону Тримифунтскому. Ведь они скоры помощники и молитвенники наши. Им дана особая благодать помогать находящимся в бедах, даже в безвыходных положениях. Помогут они и тебе. Конечно, со своей стороны ты делай что нужно». Это означает, делай, что зависит от тебя, если только к добру. Цензура тоже бывает и добрая, и злая, бесы и в ней не дремлют; цензура бывает во все времена и с большей или меньшей степенью контроля над волей творческих людей, реализующих свои идеи в своих произведениях и различных современных продуктах от искусства. Как цензура имела над письменными изданиями или произведениями живописцев, а также и театральными представлениями, так и с появлением новых средств информированности населения возникает своя необходимая цензура. Как правило, она служит установкам владельца средства информации, и трудно найти хоть один канал, хоть одну киностудию, где бы хозяева положения не обращали внимание на то, что делается в их хозяйстве. Без цензуры всюду возникает хаос, потому что

рано или поздно какая-то выскочившая вперед личность, в том числе, как бы, вдруг «никем не понятая», начинает качать свои права тем, кто выкармливал ее. Например, и актер – вытаскившему его из провинциального театра известному режиссеру. Это закон творческой жизни: чем выше талант и известность – тем больше амбиций, различных скандальных историй, драматизма и разочарований в искусстве и в жизни. Чаще всего это регулируется тем, что учителя и ученики, на какое-то время уравнивающие свои достоинства и даже меняясь местами, затем вновь расходятся каждый по своим местам; и часто они продолжают мирно сосуществовать, но на расстоянии; близко жить и создавать творческие шедевры они не могут потому, что каждый становится более изощренным цензором, чем другой. Это приводит к тому, что многие значительные произведения, в том числе публикации, являются произведениями одного главного цензора, но он имеется всегда: в изданиях «Делли ньюс» или «Аргументы и факты», на телевидении СиЭнЭн, или НТВ, в кинематографах Голливуда или Мосфильма.

Чтение сто четырнадцатое

«Могла бы церковная цензура посоветовать //или запретить// православному человеку смотреть триллеры, фильмы ужасов?» Влияют ли ужасы фильмов-ужасов на реальные события? Может ли Церковь быть цензурой кино?

Посоветовать может, и Церковь советует всей своей работой во спасение нации, которую надо довести до мира конца времен, как говорится, без лишних ужасов и лишних скорбей. «Все катехизаторы и священники находятся под пристальным вниманием дьявола, который, желая их победить, выпускает множество огненных стрел». Что это может означать? Что количество огненных стрел – это количество совершенных служителями Церкви греховных помыслов, воспоминаний, желаний, в том числе после просмотра множества самых разнообразных остросюжетных кинофильмов триллеров, или о дьявольских кознях – фильмов ужасов. Должна быть проделана большая работа, но не такая, которую дьявол только и ждет, чтобы начать свое победоносное шествие, поднятое на знамя рекламы борьбы с ним. Надо верить Богу, относиться ко всему с мерой критики и опасений на различные провокации разумно. Архимандрит Андрей (Конанос) признавался: «Я в жизни много терзался страхами, мыслями, волновался за будущее, настоящее, чему только не ужасался, а в результате из всего, что я боялся, реально почти ничего не случилось. Все это происходило в моем уме». Посоветовать приобщаться к чему-либо, кроме как к исполнению заветов Божьих и пути к спасению души через отказа от искушений и греховных дел, в том числе от зрелищ об убийствах, христианская Церковь, конечно же, не может. Цензура какого-то просмотрового зала Церкви, конечно же, может это сделать и обязательно сделает. Но в де-

ла просмотра любых кинофильмов в быту и в кинотеатрах и клубах городов и сел церковная цензура вмешаться, пока не попросят дать компетентного мнения и заключения, в практике жизни не в состоянии. Однако, как сказано, Церковь в своих проповедях старается отвлечь людей от просмотров фильмов, плохо совмещающихся с представлением Православия о благочестивой жизни, в котором главным подвигом является спасение собственной души и души ближнего в Боге. «Ничто, никакое искушение, нанесенное людьми и духами, возникшее из падшего естества, не должно смутить... Источником непоколебимости и силы да будет вера в Бога» (112, 148).

Чтение сто пятнадцатое

«Недавно Умберто Эко, стоявший у истоков постмодернизма, публично заявил, что постмодернизм мертв. Может быть, он поторопился, ведь, как явление крайне симптоматическое для нашего времени, постмодернизм определяет сегодня не только направление искусства, но и само общественное мнение?» Критически постмодернизм можно ли воспринять как на указывающего красоту мира, раз уж им она отодвинута в угоду фальшивому? Не означает ли неприятие постмодернизма впадение в крайности?

Если бы скончался, то спаслись бы сегодня без него гораздо более многие. Провозгласилась «исчерпанность онтоло-

гии и вместо классической метафизики присутствия, не знающей пустот и разрывов, - отсутствие //с фантазией, не знающей границ разумного//, вместо устойчивой целостности – деконструкцию //ради и намеренного расшатывания исторических, естественно-научных и художественных устоев и нравственности// , вместо установки на оригинальность художественного произведения – коллаж //ради быстрого успеха и рекламы//, компиляцию //без внесения своего духовного или научного//, цитирование //с извращением сути авторской темы//, стирание грани между высоким искусством и кичем //лишь бы хоть чем привлечь зрителей и заработать денег на созданном ажиотаже//». Если не впадать в критику тех постмодернистов, которые достойны самого серьезного порицания народного за бессовестность и провокации против нравственных начал (как и танцы в храме, и позорище глумящегося над чистотой тела и духа вернисажа, и пошлое искривление в спектакле сути Христа и другое подобное в бесовском шабаше), то можно поразмыслить так: любой модернизм – попытка принизить роль того, что всегда больше и естественнее, - прекрасные проявления самой «онтологически классической» жизни. Чем больше постмодернистского, тем больше необходимость презирать то естественное настоящее, которое не раскрывает, якобы, то «прекрасное», что только вновь и вновь, считающемся настоящим, ни на придумано. Святитель Иоанн Златоуст говорил: «...Памятование о благодеяниях – Божиих – сильно возбуждает к подви-

гам добродетели и располагает человека презирать все настоящее, прилепляться к столь великому Благодетелю и ежедневно высказывать живую любовь к Нему». Но презирать и с тем отлепляться от мира совершенно невозможно, и в мире имеются свои полюса мирского, в том числе модернизма как конечной величины этапа до модернизма и пост модернизма как, якобы, своей конечной остановки модернизма в том числе. Да, на каждой стадии можно найти свои начала, середины и крайности, главное – в каждой находить свою – нравственную, с достоинством к Богу и с честью к Божьему миру. Преподобный Иосиф ведь так и учит: «Как не должно искать чести, так не должно и отказываться от нее живущим в обществе для пользы других. Налагаемая честь есть также от Бога». Эта честь, признающая мир, не может сделать мир святым, но определенную святость миру дает отказ от принятия в нем пошлого и позорного. Пошлому в искусстве мы поневоле начинаем много внимания уделять, если бесчестны и обретаем чувство вины, но если что-то делалось бы лучше от влияния Церкви, так многие вернисажи прошли бы никем незамеченными: она предпочитает оставлять отнюдь не то, что создает нездоровый ажиотаж и массовость для возвышения чьей-то славы или повышения кассового сбора. Художники часто выбирают первое, и они нередко не талантом, а скандалами ссор и вызывают к себе интерес толпы; но часто искренне в силу разных точек зрения на предмет темы, от искренней зависти, даже и признания, что кто-то более

талантлив. Недаром тот же Иосиф сказал также и следующее: «Каждому тот поступок ближнего кажется великим, // то есть сильно привлекает внимание второго ближнего//, который обличает его //второго ближнего// самого в чем-нибудь». Постмодернизм в этом смысле имеет в себе потенциал обличения себя в том, что не смог достичь духовного от Бога в модернизме, как тот в свое время – в классике. Направление же различных искусств определяют их задачи, история, традиции, запросы современников. А также, к прискорбию, - и конъюнктура, выраженная в заказах произведений со стороны кого угодно за определенный гонорар, либо, просто-таки любую мзду, когда художники готовы чуть ли ни душу лукавому продать, только бы быть востребованными, известными, и, как минимум, - чтобы заплатили им; готовые и на «вернисаж» и на тиражирование всяческого воровского или эротического разврата. Все, что отходит от классического, где от него отсеяно все бесовское и находящееся в зоне пристального внимания бесовского по слабости нравственных сторон художников, - это, так или иначе, содержит элементы или целые направления «модернизма», «постмодернизма» и прочего иже с ними. Православие даже вынуждено не только иметь принципиальную и жесткую позицию к этой области, но даже, в ряде случаев, и противостоять напору бесовского, когда зрителей заманивают на выставки своих «перформенсов», выраженных в показе чудовищного искажения искусства, пропаганды всяческого разврата, неприкрытого прелю-

бодеяния, превозношения искусства и греха. Но и паниковать от всего подобного в Православии, полагаю, не собирались и не будут ни при каких обстоятельствах. Не все поддадутся дурным искусствам, а кто-то в этой обстановке с божьей помощью станет чище. Святитель Иоанн Златоуст нам открывает истину: «Не думай, что Сын послан Богом Отцом только потому, что весь мир нуждался в спасении. Если бы нужно было искупить даже одного человека, Бог не счел бы его недостойным //, а именно достойным// такой жертвы» Своей.

Чтения сто шестнадцатое и сто семнадцатое

«Раньше актеров хоронили за церковной оградой. Сейчас об этом даже мало кто знает. Значит, со временем меняются какие-то христианские представления о спасении?» Для спасения людей и для выделения места на погосте у храмов Церковь отдает ли кому-то предпочтение? Могут ли священники озвучивать желание быть погребенными в храмах? «Сейчас в нашей Церкви ведется много разговоров о том, какие богослужебные песнопения более духовны, например, знаменитый распев или обиход, Бортнянский или Рахманинов? Есть ли в этом какой-то сущностный смысл или все это чисто вкусовые вещи, которыми верующий человек не должен искушаться?» Можно ли не разбираясь в музыкальных произведениях считать музыкой то, что ближе характеру и сути – например, пение птиц?

Спастись в Боге либо спасти свои бранные останки в церковной ограде вещи разные; но как могут чьи-то вынесенные или перенесенные останки повлиять на волю Бога, договорившегося с людьми, как надлежит им спасти? Что, есть какие-то претензии к Церкви? Что важнее: быть похороненным, куда зовет честолюбие и гордость, или быть последним в Царствии Небесном? Попомни, как сказал сам Иисус Христос: и последний в Царстве будет выше, чем первый из людей на земле Иоанн Креститель! А потому ты, считающий, что со временем меняются представления об этом, окрестись! Перекрестись, перетерпи свой зуд, презри себя и воззови Бога, авось придет и разумение. Преподобный Анатолий (Иеросхимонах Анатолий (Зерцалов) наставляет: «Все терпи – будешь и сама мирна, и другим доставишь мир! А начнешь считаться – мир потеряешь, а с ним и спасение». И он же, пространней: «Сказываю по секрету, сказываю тебе самое лучшее средство обрести смирение. Это вот что: всякую боль, которая колет гордое сердце, потерпеть». И он же тем, кто, может, глядя на Церковь, на православие, в растерянности сильно задумался, перепутав, что считать чем: «Без зимы не было бы весны, без весны не было бы и лета. Так и в жизни духовной: немножко утешения, а затем немножко поскорбеть – и составляется так помалу путь спасения». Что до актеров, их упокоения... Дело не в профессии, не в том, чем люди зарабатывали себе на жизнь; и если вели образцовую христианскую жизнь, могли быть похо-

ронены у церковного храма. Искусство в миру с работой актеров почти всегда сводится с включением в драму и комедию, так называемого, любовного треугольника, часто либо трагическим концом кого-либо, либо обманом мужа или жены, что Церковью, естественно, не приветствуется. Церковью приветствуется любое спасение души единственным путем работы над своими искушениями с очищением грехов, исполнением Божьих заповедей, добрыми делами, раскаянием и покаянием, исповедью, причащением Святых Тайн с прощением Богом грехов и благословением Им человека на единственно верный путь к раскрытым воротам в Божье Царство, хотя обязательно через узкую дверь. То есть, не для каждого грешника, не для тех, кто привык во всем лезть напролом, признавая для себя только широко распахнутые двери, да и в них, если что, - отталкивая других локтями, с презрением отпихивая смиренных людей. Никаких иных христианских представлений о спасении кого бы то ни было – актеров или святых, не любящих шумных зрелищ, - лишь только как одним путем любви к Богу и любви к ближнему своему, смирения, рассудительности, причащению Святых Тайн в православии никогда не было и нет. Что касается погостов, то, конечно, у Церкви есть свои каноны на этот счет. Они, разумеется, если по простому говоря, - предусматривают и захоронение в ограде храмов и проявивших свои особенности святости и жертвенности ради Православия и политиков, и писателей, и актеров, имея в виду, в том чис-

ле, и корни рождения того или иного человека, его молитвы по родному краю, землякам, всему православному народу; а также достойных потомков тех, кто своим радением строил Божий храм, имеющий и погост, и, так сказать, подхрамовые гробницы. Священники могут свободно выражать свою мечту быть захороненными именно под храмом, где наверху всегда звучат литургии и песни хвалы печали и радости о Христе и спасенных Им грешных людей. И не важно, поют или играют они на музыкальных инструментах и так далее, ибо в мире все мы в своей прелести душевной и духовной играем свою роль одновременно актеров и зрителей великой драмы земной жизни, когда как и в спектаклях счастливый конец лишь только приближен. Мирские искусства и пресыщения уйдут, и останется один путь – ухода из жизни. Лучшего места упокоения, чем Гроб Господень Его ограды нет, о чем доказал Он, сказав, Сам умирающий на кресте, распятому, как и Он Сам, разбойнику, по внезапной вере того, - что сейчас же тот отправится в рай. А потому помни, что «Только в искании Бога и божественного не знай меры и насыщения. Бог еще больше дарует Себя тем, кто приемлет Его», - так учит святитель Григорий Богослов (15, 206). А что до того вопроса, какие богослужебные песнопения более духовны, что Церковь утверждает – тому и верь, а не тому, что за оградой ее лясцами точится, да к тому ж и многоразговорно. Кто-то может и классическую музыку считать не полезной для христианина, а кто-то видеть в ней то, что великой музыке

мог попустить только Бог. Если Бог дал композитору написать музыку, а пение соловья все равно слаще, так кого слушать? В каждой обстановке в голове должна стоять своя музыка: весной, как открыл форточку, - соловьиная, в праздник – музыка колокола, где соловей и умалится, а у клироса – так один талант может вытянуть до будто божественного небесного и Рахманинова, и Бортнянского, и других, конечно; а другой, нерадивый, так даже и стройный ряд восславления русского православного народа Глинки введет в смятение и вразброд. «Всегда радуйтесь! От внутренней натуги ничего доброго не сделаешь, а от радости – что угодно можно совершить» - учат нас духовные старцы.

Чтение сто восемнадцатое

«Какой политико-экономический строй больше всего подошел бы православному человеку?» Какой путь лучше всего для православного человека? Делались попытки соединения пути социализма и православия в период СССР? Какие попытки могут быть по соединению православия с социальной жизнью в России после внесения поправок в Конституцию об уважении к истории веры в Бога наших предков?

Тот строй, где нет такого, сказанного в сердцах и по мудрости в отцах: «Бесчеловечие мы уважаем как дело благородное, а сострадание презираем как нечто постыдное. Их //сострадающих// гонят из городов, гонят из домов, с площади,

с дорог, из бесед, из народных собраний, пиров и – о горькая участь! – их отгоняют и от самой воды», тогда как этой воды - озера, реки и моря. Нужен такой строй, чтобы торжествовало просвещение правды и истины, что невозможно без изучения закона Божьего. Чтобы в каждом человеке, в делах его, был Бог, желание Его, а не желание безбожия, чтобы всюду виделось лучшее, а не худшее из того, что и без того спешит развратить человека и его общество. И в самом себе всегда худшее, если нет и в себе -отдельном - Бога. «Вождеделение Бога – всегдашнее услаждение и просвещение, всегдашняя радость. Если всегда вожделеваешь Его, всегда будет обитать в тебе», - указал преподобный Ефрем Сирий. Православному человеку, не неофиту, то есть не недавно пришедшему к Богу и к Церкви, не средне укрепившемуся в вере, а крепкому в вере любой политической и экономической «строй», то есть любой жизненный путь представляется дарованным Богом таковым по Его помышлению, какой он есть. Православный человек, оставляя, если надо, родителей, братьев и сестер, чтобы следовать за Иисусом Христом, не берет с собой в дорогу ни двух рубах, ни смены обуви, он не осуждает, ни планирует завтрашнего дня, ибо так заповедал Господь; и когда православный строит свой дом на камне – это означает, что он основывается в жизни на вере в Иисуса Христа, Свет и Предвечный Совет Пресвятой Троицы, но он не строит тот дом, к которому он может привязаться и поставить свое личное выше интересов Церкви и служения Богу. Во-

обще, православным людям важен только один путь жизни - вечной блаженной жизни в Царстве Небесном; а любой эпохальный строй в миру является временным, настолько грешным для людей, что возникает даже искуса самоуничтожиться, чтобы поскорее вознестись на Небеса всем миром. Однако у Бога свои виды на текущую жизнь людей и на то, сколько еще должно родиться людей. И является смертельным грехом всякий суицид, чтобы люди несли свой крест с терпением до того срока, когда Христос придет второй раз, но уже не для того, чтобы вновь принести жертву за людей с поправкой их грехов Своей смертью на кресте Голгофы, но чтобы по справедливости вершить Свой Страшный суд над вновь накопленными грехами новозаветных людей, над каждым из людей в отдельности: спросить, какой мерой благодарности или предательства любви Божьей они ответили Богу за открытие тайны пути в Божье Царство? Пока люди живут в миру, им желательно иметь ту социально-культурную формуацию, которая как можно более близка своими государственными законами к закону Божьему, если это возможно. В период социализма революцией был осуществлен эксперимент присоединения Божьих заповедей к законам государства. В каких-то ипостасях это было очень заметно и долгое время хорошо работало - но лишь с точки зрения экспериментаторов и слоев населения, кто поверил, что такое соединение возможно. Однако, Церковь, конечно, не может одобрить такой системы государства, где в Основной закон будет впи-

сана обязательность веры в Бога, когда это безусловно привело бы к формальному исполнению православных обязанностей огромного количества людей, не говоря уже о тех, кто находится в органах власти и многое там решает лишь для удовлетворения своих амбиций. Церковь, в которой члены ее прихода ложно верующие, в качестве истинной Православной Церкви существовать не может по определению. Но, несомненно, в свете внесения в Конституцию России пункта о том, что Бог есть, и мы чтим память православных предков, с подкрепленным тем самым правом не только вероисповедания, но и пропаганды Православия, ситуация в отношениях Церкви и государства еще более станет благоприятствующей приходу к христианской вере многих россиян. Верующие будут крепче мечтать, чтобы православие оказывало все большее влияние на всю жизнь в российском обществе. Все, по милости Господней, в вере и в руках православных! «Великая милость для человека, что он познает Бога и Бог приближается ко всякому, по мере //в обществе// человеческих сил» (28, 215).

Чтение сто девятнадцатое

«Можно ли сказать, что для любого человека, будь он верующим или нет, капитализм менее губителен, чем коммунизм?» С каким терпением православие проявляло себя в последние эпохи? Может быть построено что-то между ка-

питализмом и социализмом на основе естественных нравственных ценностей Православия?

Нет, однозначно сказать нельзя. Капитализм в России в XIX - начале XX веков не привел Россию к одному благоденствию, хотя и были его большие успехи. Но и в СССР успехов было не меньше, но и он не привел к одному благоденствию. И там, и там были и великие завоевания, и трагические ошибки. И там, и там было поругано дело веры – в первом случае не менее мучительно, поскольку народ, которому не чинились препятствия веры, не уберег работу Церкви, и это не меньший грех, чем в период революции, где рушили все, отнюдь не все доброе, но и злое; не оставили в покое и Церковь, найдя зло даже в ней – сословность (как бы, кастовость – часто на практике богатым одна участь - помещичья, бедным другая - полукрепостная), которую и уничтожала та революция. Надо и должно по-доброму чтить память всех предков: и их мученические подвиги, и их заблуждения, когда есть раскаяние. Старец Дионисий говорил: «Если мы не можем быть как Ангелы – не падать, то хотя бы не будем как бесы – не каяться». Каяться в грехах надо. Но и: «Бегай зла лихоимства, делающего антихристом, то есть противником евангельским заповедям, всякого, утешающегося им». А в заповедях много сказано о терпении, смирении, прощении. И еще не вовсе ясно, в ком меньше христианства – в капитализме или коммунизме, если в обоих в какое-то время не господствует зло. Бог дает нам время подумать, Он

указывает на то, что становится с Церковью после прекращения коммунизма, но также и то, что становится с нею после прекращения коммунизма в капиталистических странах. И это покажет, сколь много Божьего было в той и другой формации и сколько в них остается. В России еженедельно открывается после строительства или восстановления по одному-три Божьих храма, часовен. Но и это не есть ответ на то, будет впереди у России социализм или капитализм? Может, что-то среднее, и тогда опыт, считающийся, ужасным, пригодится как компонента спасительного в мире. Не социальный строй, но Царь Господь решает, как лучше. Симеон Новый Богослов говорил: «Кто имеет общение с Господом Иисусом, над тем никогда не возгосподствует грех, так как христиане в Самом Христе живут, движутся и суть (Деян. 17, 29)». Словом, для Православия любая эпоха в мире – садизм Рима, аморализм капитализма и богоборчество социализма советского образца – это эпоха своего мирского пути в обретении Божьей правды к Богу Истине и спасение в Божьем Царстве Его по исполнению Божьих заветов в мире с духовным трудом одному по вместимости даров Господа и Духа Святого и совместно с Единой Святой Соборной Апостольской Церковью. Ни одна из пройденных эпох не была предпочтительней другой, ибо в каждой православными людьми выполнялась одна цель и работа с одинаковым рвением обрести через исполнение Божьих заповедей совершенствование души и тела в Духе по благодати, очищение от грехов,

исполнение долга перед Богом и людьми с укреплением надежды на Царство Небесное. Другое дело, когда речь идет о народе, в котором живут и верующие, и неверующие люди; и христиане в своей стране должны печься, прежде всего, о том, чтобы положить душу за друзей своих, любить свою Церковь, почитать отцов и матерей, предков своих. И если России выпало жить в разных эпохах, условно – феодальной, капиталистической, социалистической, а также протекающей нынешней перестроечно-реформаторской, настоянной на дикостях «рынка», подобной сомнительной целебной горькой настойке на мухоморах, то каждая является той, которая по промыслу Божию была дарована для ей выпавших испытаний, совершенствования и молитв о спасении к Отцу нашему. При этом - с обязательным обретением и проявлением в добрых поступках веры и надежды на встречу с Пресвятой Троицей через Иисуса Христа и Духа Святого в Божьем Царстве вечной жизни. Губительны для христиан ни какие-либо эпохи, ибо чудо жизни Церкви указывает на защиту ее Богом Триединым, а отход в любой даже самой спокойной эпохе от заповедей Божьих и погрязание с врагами и слугами врагов Божьих в смертельных грехах. И это касается любого верующего человека, ведь верующие во все эпохи, всегда, так или иначе, поддерживали ту или иную политику и власть. Надо в этих условиях, уповая на более справедливую эпоху, чем прежние, брать из каждой все лучшее, отвергая все худшее, и быть верным единому – следовать по пути

Божьему. Митрополит Сурожский так уповает: «Радуйтесь тому, что вы Богу дороги. И, в пределах Ваших сил, делайте, что можете, чтобы Бог на вас радовался. Храни Вас Господь и Матерь Божия!»

Чтение сто двадцатое

«Как относиться к попыткам некоторых политических кругов скрестить православие и коммунизм под предлогом, что они пропагандируют одни и те же ценности?» Была ли попытка построения коммунизма в России случайной, детерминированной - объективно в мире определенной, или это был промысл Божий? Может, живучесть социализма указывает на промысл Божий: чтобы сохранить мощь России после утраты парадигмы веры, державности и народности с крахом их в результате поражения в первой мировой войне? И после революции, и в наше греховное время народ верит?

Не сочтите за назидание автора, но, опять же, как не подивиться неприкрытому хамству, когда Божьи православие и его эпохи в разных его ипостасях вольно разделяют, что по определению ересь, а как соединяют, так могут прозвать сие и осеменением, и скрещиванием и еще невесть чем. «Не те умны, которые изучили изречения и писания древних мудрецов, но те, у которых душа – умна, которые могут рассуждать, что добро и что зло; и злого и душевредного убегают,

а о добром и душеполезном разумно радеют и делают то с великим к Богу благодарением». Это от мудрецов православия, ибо просто и разумно от чистоты сердца. Ни одна эпоха не пропагандирует одни и те же ценности, а как раз свои особенные. И не некие вредные политические круги это должны знать, но и каждый человек, попытавшийся хорошенько подумать. И те-то круги как раз и не станут пропагандировать ничего не своего, даже в скрещивании с чем-либо, ибо пропаганда наступает, когда утверждается свой канон, и все, что только напоминает, будто канон не сам по себе, а от влияния посторонних партий, - это стараются отменить и забыть. Каждая революция, установив диктатуру лидеров, затем избавляется от своих соратников-единомышленников, мешающих провозглашать один новый канон откровением вождя. Так было и во время чудовищно кровавой Французской революции, так было и при социализме с идеологией, «канон» коммунизма, хотя он был не сам от себя, а от домарксовских теорий до возвышения Маркса, которому и в кошмарном сне не мог присниться коммунизм в Российской империи, каковую он ее знал до своей смерти. И Ленин вначале думать не думал, что будет при жизни строить на Родине социализм под знаменем марксизма, уличающего частный капитализм, использующий добавочную энергию коллективного труда как невесту откуда берущуюся в нем прибавочную прибыль. То есть если десять рабочих по отдельности в день не соберут десять телег или карет, то ко-

гда они вместе – то соберут десять телег, да еще и десять карет. Надо только дать им крышу над головой, снабдить инструментарием, получать прибыль, а платить рабочим, как и прежде. Это ограбление платить зарплату, как прежде? Похристиански вовсе нет! В притче Иисуса Христа о хозяине, который заплатил трем группам рабочих, начавших работать в разные часы дня, одинаковое вознаграждение, как договаривался с ними, те, кто поработал больше, оказались недовольны. Хозяин же (Христос) резонно заметил: заплатил каждому, как вначале договорился, он имел на это право. И при социализме рабочие не изменили данному правилу Христа. Но только... заменили самих хозяев, а сверхприбыль стали использовать, чтобы огородить себя от всего мира и строить свое «Божье Царство» социальной справедливости. Да, православная мораль здесь сыграла огромную роль. Кодекс, законы социалистического общества в сути своей не могли основываться не на лучших нравственных посылах, иначе люди не поверили бы, что объявленный коммунизм, когда всем по справедливости, поровну, можно будет построить. Таким образом православие, где хозяин Бог, и социализм-коммунизм, где хозяин не Бог, не совмещаются, не скрещиваются, никак не сливаются. Но достаточно много Божьего было в каждой из нескольких сильно разнящихся эпох СССР. В этом смысле, учитывая обстановку мировой войны, при которой ослабленный российский народ вынужден был взять свой путь спасения в тоталитарном режи-

ме (и в тоталитарную советскую армию перешли служить до 80 процентов царских офицеров и генералов), Советскую Россию и СССР можно было назвать даже и нравственным государством справедливости в борьбе за мировое счастье всех освобожденных от кабалы хозяев трудящихся. Воспользовавшись случаем, много горестей принесли Православию различные сектантские партии, и они долго разжигали богоборчество, иконоборчество и прочее зло. Новой власти это оказалось выгодно, заблудшая, она повела страну к счастью социализма, а случились огромные бедствия. Но это не было оставлением Богом народа. Что для него какая-то краткая эпоха безбожия, когда милость Его не поддается счету во сколько крат более любого богоборчества? Не было это и оставлением народом Бога. Народ помнил: «Не может быть со Христом тот, кто лучше захотел быть подражателем Иуды, нежели Христа», - как сказал Киприан Карфагенский; и народ вовсе не искусился иуды, а сохранил Православную Церковь. Пока можно дискутировать, какие имелись цели у такого допущения разорения церкви с сохранением в ней института митрополитов – что есть живая связь между Церковью и Иисусом Христом, но ясно одно – Бог остался с Россией. Осмысление времен, в том смысле, как соотносилась сила Церкви с силой государства, для Православия всегда было делом не простым. И в свои годы архимандрит Иоанн (Крестьянкин) писал: «Время сейчас трудное во всех отношениях, и без Бога не пережить нам ни материальных, ни ду-

ховных невзгод». Скажем же и так: нет таких политических кругов, которые пытались бы скрестить православие и коммунизм, но есть душевная, и в известной степени даже духовная, потребность мечтательных людей примирить некоторые любимые, близкие душе вещи, старое с новым и благодаря этому меньше страдать, хотя бы, от бездействия осуществить эту попытку. Так в семье верующий молодой человек переживает муки и надежды, когда один из родителей является глубоко верующим, а другой, хотя и живущий по мирским нравственным нормам человек, - неверующим, даже легкомысленным насмешником в адрес Церкви, веры, а то и Господа Бога. Абсолютно в Бога не верующих людей, скорее всего, не существует. Ребенок надеется, что родной любимый родитель-грешник опомнится и образумится, придет любовь и примирение в семье во всем. А если этого не случается, один ребенок уходит от родителя грешника, а другой всеми силами трудится, молясь, о возвращении «блудного отца». Такие же муки могут испытывать и родители, когда в их глазах становятся «блудными» в миру вполне воспитанные и поддерживающие лучшие душевные ценности мира (в том числе реставрирующие евангельские произведения, храмы, уважающие историю Церкви), но неверующие сын или дочь. И у кого из них в государстве по их талантам и должностям обретается какая-то возможность влиять на события, они предпринимают попытки создания условий, когда могут жить, хотя бы, в одной стране, а не разбежаться по всему

свету; и могут примкнуть к другим церквям и культурам потомки православного народа, братья и друзья. Это касается тех, кто изменяет события как ученый, политик, а кто и как анархист и политический революционер. Разные силы и партии могут пропагандировать и похожие ценности, и близкие к тем, которые внушают Божьи заповеди, но в любом случае относиться с полным доверием можно только к ценностям православным, церковным, то есть высоко духовным евангельским во имя Отца и Сына и Святого Духа. «Ибо никто перед очами Владыки не старается об угождении //человеку -// подобному себе рабу к бесчестию Владыки и к своему осуждению» (8, 195).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.